

УДК 21.009:008

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ У ТАТАР

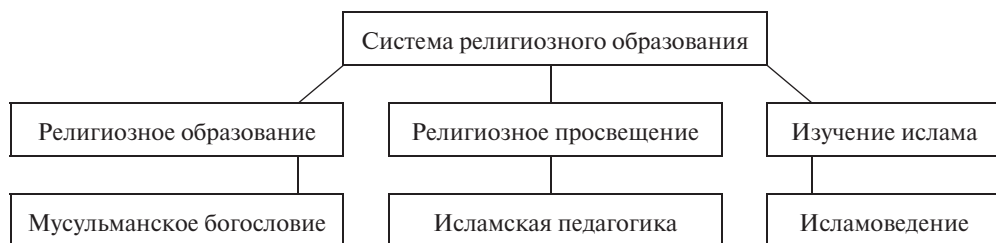
Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси, кандидат исторических наук

Если до начала XX века религиозное образование у татар способствовало сохранению этнической идентичности, то в советский период эта роль была перенесена на узкую обрядовую сферу религиозной жизни татар-мусульман и в определенной степени на национальное образование, или образование на родном языке. После крупных трансформационных процессов в социально-экономической и общественно-политической жизни бывшего СССР, нового витка процесса переоценки старых позиций консолидации и поляризации как мусульманской уммы, так и татарского сообщества в свете последних тенденций национальной политики в сфере образования в федеральном масштабе мы являемся свидетелями актуализации вопросов религиозного просвещения и образования. Наряду с повышением национального и религиозного самосознания наблюдается политизация религиозного фактора. И мы видим, что многие задачи и инструментарий (целеполагающие и методологические вопросы) национального образования вновь переходят к сфере религиозного образования.

Образование представляет собой передачу системных знаний о последо-

вательной смене способов добывания знаний и ценностных ориентаций. Любое образование подразумевает организацию, или систему, которая имеет структуру – некую внутреннюю среду, состоящую из контекстных подсистем, каждая из которых в свою очередь обладает набором характеристик, отражающих особенности содержания деятельности организации, и структурных характеристик. Система религиозного просвещения и образования (а именно на такой неразрывной связке образования и просвещения мы настаиваем, хотя на практике наблюдаем разделенность этих компонентов и отсутствие взаимосвязи между ними) структурно нами видится следующим образом (см. схему).

Существующее религиозное образование построено на догмах (утверждениях, которые представляются основополагающими, неизменными и необсуждаемыми), что особенно проявляется в изложении основ вероучения. Это связано с тем, что, как и для всех авраамических религий небесного откровения, для ислама в его ортодоксальной форме наряду с иудаизмом и христианством, в основе которых лежат

Священные писания (Танах, Ветхий и Новый Завет, Коран), характерна высокая степень догматизации учения и социальной организации. Они хотя и базируются на личном религиозном опыте основателей, но не считают его воспроизведение единственным и важнейшим путем к спасению. Тот личный религиозный опыт, который послужил для них фундаментом, остается исключительной прерогативой их основателей (пророков), психотехнический, трансперсональный опыт которых обычно рассматривается как харизма. Эти религии не ориентированы на развитие психотехники и воспроизведение личных религиозных переживаний — это удел особых сообществ или личностей (монашеств, мистических братств и орденов, отшельников и т.д.)¹. Наблюдаемая в последнее время тенденция укрепления позиций суфизма в Татарстане не является панацеей преодоления догматизации. Напротив, столкновение идеологий суфизма и салафизма чревато опасными последствиями, как это имело место на Северном Кавказе.

В связи с этим изучение религиозного педагогического и богословского наследия татар с последующей опорой на этот опыт при выстраивании современного состояния приобретает особую актуальность. Мусульманское богословское, духовное наследие татар представляет собой уникальную ценность как для всего мусульманского мира, так и для всего многонационального народа Российской Федерации, так как оно является неотъемлемой частью мирового культурного наследия и духовного потенциала. В свое время ряд идей татарских мусульманских интеллектуалов начала XX века, не имея возможности найти свое воплощение в условиях России, оказался востребованным в других частях мусульманского мира². Этот опыт чрезвычайно важен для успешного решения стоящих перед нацией задач культурного строительства, равно как и для обеспечения в стране развития конструктивного межконфессионального диалога и со-

трудничества, особенно в условиях, когда мусульманам России предлагаются, а иногда и навязываются извне иные модели культурного и социального строительства, часто являющиеся продуктом существования мусульман в монорелигиозных государственных образованиях, совсем не подходящие для ситуации в России. Иногда эти модели ориентированы на противопоставление исламской идеологии и мусульманского уклада жизни, с одной стороны, и достижений прогресса и цивилизации — с другой, что может крайне отрицательно сказаться на судьбе новых поколений мусульман и объективно подрывает основание для диалога и сотрудничества между представителями различных религий.

История изучения и преподавания дисциплин, объектом которых выступает мусульманская религия, свидетельствует о том, что данная сфера развивается, как правило, в пределах трех методологических позиций. Либо изнутри, когда ислам исследуют и религии обучают сами приверженцы данной конфессии (из местных авторов это — Х. Фаизханов, Ш. Марджани, М. Рамзи, М. Бигиев, Дж. Валиди, И. Гаспралы, Р. Фахретдин, К. Насыри, З. Камали, Г. Буби, Г. Баязитов, Г. Губайдуллин, Г. Баруди, Ю. Акчурра, С. Максуди, А. Максуди, Х. Забири, З. Кадири, Р. Атнабаев, С. Бикбулатов, Х. Атласи и др. в прошлом, и Г. Исхаков, Р. Мухаметшин, Р. Батров, М. Муртазин, Р. Гайнетдин, Д. Мухетдинов, А.-Х. Абдуллаев, И. Бердиев, Ш. Пшихачев, Т. Таджуддин и др. в наши дни). При господстве этой позиции главной задачей изучения является распространение и упрочение позиций ислама, чем и обусловлена характерная ей апологетика.

Противоположностью этого подхода является, когда с позиции априорной критики преследуется задача подавления ислама как религии и пропаганды иных конфессий или идеологий, и в этом случае так называемые научные разработки представляют собой со-

ставную часть либо миссионерского (Н.И. Ашмарин, П.В. Знаменский, Н.И. Ильминский, Я.Д. Коблов, Е.А. Малов, М.А. Машанов, А.В. Можаровский, Н.П. Остроумов, Н.А. Фирсов и др.), либо атеистического востоковедения (Г. Ибрагимов, З. Музаффаров, Б. Ишемгулов, А. Аршаруни, Х. Габидуллин, Л.Климович).

Когда же ислам становится объектом исследования как феномен культуры и его изучение вписывается в рамки академического востоковедения, целью исследования становятся знания как фундаментального, так и прикладного характера, используемые, в частности, для облегчения межкультурного диалога и развития межэтнических контактов и связей (К.Ф. Фасеев, Р.И. Нафигов, Я.Г.Абдуллин, Р.М. Амирханов, М.И. Махмудов, Г.Р. Балтанова, Ф.Г. Ислаев, Д.М. Исхаков, Р.Ф. Мухаметдинов, Р.А. Набиев, А.И. Ногманов, Л.В. Сагитова, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев, Р.Н. Валеев, В.О. Бобровников, С.А.Мельков, М.М.Омарова, О.Г.Шапиева, А.А.Ярлыкапов, А.Мец, А.Мюллер, В.В.Бартольд, А.Е. Бертельса, Ф.Роузентал, А. Беннигсен, Ш. Кельеже, Ф. Жоржон, Т. Заркон, С. Дюдуаньон, Э. Лаззерины, М. Кемпер, А. Рорлих, Я. Рои и др.).

В настоящее время есть попытки формирования принципиально новой модели изучения ислама в системе университетского образования, существенным образом отличающейся как от классического научного исламоведения, так и от традиционной исламской системы трансляции знаний. В настоящее время в Волго-Уральском регионе изучение и преподавание ислама осуществляются с различных идеологических позиций: происходит возрождение собственно конфессионального мусульманского образования, восстанавливаются традиции отечественного классического востоковедения и вновь заговорило о себе миссионерское направление в изучении ислама с позиций православия. Между тем необходимо отметить и совершенно новую тенденцию в россий-

ском образовательном пространстве. Современные властные структуры непосредственно осуществляют финансирование исламской образовательной сферы, что, очевидно, продиктовано назревшей необходимостью установления государственного контроля над исламскими религиозными институтами.

Это новшество широко обсуждается в самом мусульманском сообществе. Мнения при этом высказываются самые разные. Одни полагают, что исламская система образования в России изначально формировалась как независимая от властей, и именно благодаря этому она на протяжении столетий способствовала сохранению этнической и религиозной идентичности мусульман. Поэтому вмешательство российских властей в эту сферу они воспринимают с осторожностью. Другие считают, что российские власти чутко улавливают конъюнктуру, учитывая нарастание процесса исламизации в международном масштабе, и проявляют дальновидность, делая ставку на подготовку собственных специалистов, способных отстаивать государственные интересы и достойно представлять Россию в мусульманском мире³.

При этом и сами мусульмане, как свидетельствует наблюдаемая практика, проявляют неимоверный прагматизм и предприимчивость в процессе осваивания финансовых средств, выдвигаемых федеральным центром или местными структурами, а также различными фондами, частными меценатами и спонсорами и пожертвователями на нужды религиозного образования.

В связи с наблюдаемым в постсоветский период возрождением религиозного образования появился ряд работ, посвященных анализу процесса формирования профессионального знания об исламе как светского, так и религиозного, в современных постсоветских обществах.

Для большинства исследований, относящихся к одному из вышеназванных подходов, характерны свои недостатки: специфические для определенного

подхода, характерные для определенного временного периода и недостатки общего характера. Некоторые самые характерные и типичные из них – это:

- чрезмерная апологетика, либо априорная критика,
- отсутствие сопоставительного анализа с другими конфессиями и другими регионами исламского мира,
- преобладание репрезентативного характера освещения аспектов истории и современности,
- спекуляция идеями взаимодействия культур, интернационализма, толерантности и пр.,
- вынужденная спекуляция темой ваххабитской и салафитской угрозы, и самое главное:

- ограничение понятия «религиозное образование» только профессиональными исламскими религиозными учебными заведениями, и в результате – отсутствие равного внимания ко всем уровням и составляющим религиозного образования, и особенно к самому важному, основополагающему начальному звену на уровне курсов при мечетях, мусульманских центрах и пр.

При рассмотрении широкого круга тем, касающихся специфики аккумуляции и передачи знаний об исламе в нашем регионе, можно сформулировать ряд узловых вопросов, актуальных как для постперестроечной России, так и для мусульманского сообщества в целом.

Каковы механизмы, с помощью которых светские и религиозные ученые транслируют свои представления об исламе как об идеологической системе и как о значимом факторе в жизни российского общества и, если взять шире, «евразийских» обществ? В какой степени и как именно динамичные процессы, происходящие в этих обществах (как в преимущественно мусульманских, так и в тех, где мусульмане составляют влиятельное меньшинство), воздействуют на академический и экспертный дискурс, и какое отражение это находит в университетских образовательных моделях? Какого рода знание об исламе

является востребованным на постсоветском пространстве, и каким конкретным задачам оно отвечает? Каким требованиям должна соответствовать квалификация его носителей – дипломированных специалистов, и как они реагируют на вызовы современности?

Исследовательская рефлексия по отношению к перечисленным (и им подобным) вопросам, с одной стороны, позволяет конкретизировать проблемное поле дальнейших исследований такого рода. С другой стороны, она дает возможность вычлнить основные векторы развития современных исламоведческих штудий в российских условиях и очертить контуры формирующейся многоуровневой системы обучения исламу, отличительной чертой которой является масштабное задействование опыта научного исламоведения в процессе возрождения (а скорее нового обретения) собственно исламского религиозного образования⁴. Для выстраивания, отлаживания и использования целостной, эффективной и долговременной системы исламского образования может оказаться нелишним всесторонний интеллектуальный штурм данной проблемы.

Если рассматривать религиозное образование как динамическую систему со своими законами роста, развития и самоорганизации, исходной позицией для всех исследований в этой области является подход к рассматриваемому объекту, именно как к системе, и адекватное описание ее состояния и развития на разных уровнях, возникающих в результате сложного взаимодействия частей. При этом особое внимание фокусируется на тех ситуациях, в которых поведение системы качественно изменяется при изменении условий среды. Система начинает создавать специфические структуры, то есть вступает в процесс неравновесного упорядочения – процесс самоорганизации. В этой связи концепция самоорганизации видится одним из перспективных путей осмысления процессов, протекающих как в обществе в переломные моменты

его развития, так и в системе образования, и религиозного образования, в частности. Она позволит выявить максимальное число релевантных факторов (группа управляемых и неуправляемых характеристик, которые могут повлиять на прогноз) как внутренних, так и внешних, оказывающих влияние на всю систему целиком, на ее компоненты, на взаимоотношение между ними, и между системой и средой.

Компоненты системы исламского образования в плане выявления ее возможных пользователей, ее качественных параметров, содержания, программного обеспечения и организации иллюстрируют системный характер самого этого понятия, его комплексный многоуровневый состав, который включает в себя множество элементов, а каждый такой элемент тесно взаимодействует со множеством других. При этом вся система в целом также вынуждена взаимодействовать с определенной исторически сложившейся культурно-религиозной средой, в рамках которой она обречена функционировать.

На сегодняшний день имеют место разработанные действенные методологии создания и эффективного развития института местных религиозных организаций мусульман и религиозного образования на местах. Есть регионы, где выработанные методы успешно проверены на практике⁵.

После центробежных тенденций начала и середины девяностых, раздробивших российскую умму на множество Духовных Управлений мусульман со своими собственными учебными заведениями, теперь уже чаще стали звучать мнения о воссоздании целостной системы образования, которая представляла бы собой полноценную структуру, в которую органично вплетаются все виды обучения: начальные и воскресные школы, средние и средние профессиональные медресе и учреждения высшего профессионального образования вплоть до магистратуры и аспирантуры, а также научно-исследовательские подразделения.

По мнению ряда религиозных деятелей, в последние годы активно участвующих в создании системы религиозного мусульманского образования, создание единого учебного пространства должно идти в двух направлениях: выработке единых учебных программ и пособий, с одной стороны, и выстраивании в единую сеть разрозненных ныне учебных заведений, с другой. Последние должны представлять собой трехступенчатую систему. Первый уровень — это мектебы, воскресные школы при мечетях, где за 2 года обучения прихожане изучают основы ислама. Второй уровень — это медресе, в котором за 2–3 года готовятся имамы низшего уровня и преподаватели мектебов. И, наконец, третий уровень — высшие учебные заведения, подготавливающие богословов и имам-хатыбов высшего уровня⁶. «Единая система мусульманского образования должна быть такой, — отмечает А.Садриев, — чтобы мусульманин, начав образование у себя дома, смог бы беспрепятственно завершить его в любом другом городе России»⁷. При этом образовательные уровни многоступенчатой системы исламского образования, обеспечивающей поэтапное получение образования от начального до послевузовского, должны быть тесно взаимосвязаны, а само исламское образовательное поле должно быть единым.

Дамир-хазрат Мухетдинов предлагал завершить ее логически и осуществить не только вертикальную градацию, но и распределить по регионам специализацию учебных заведений второго уровня, разбив их на те, которые готовят имамов, преподавателей, куран-хафизов и т.д., а вместо множества исламских вузов сосредоточить силы на нескольких центрах, оставив, например, в Казани общероссийский университет и создав, например, в Москве — общероссийскую аспирантуру.

В Уфе ведутся разговоры о строительстве Академии исламских наук в Уфе под эгидой Центрального духовного управления мусульман и последующем переходе к трехзвенной системе

образования: медресе — исламский университет — исламская академия⁸.

К сожалению, на сегодняшний день не выработано четкой концепции мусульманского образования, с которой были бы согласны все участники исламского образовательного процесса в России. Нет единого координационного центра или единого департамента образования с конкретными полномочиями и финансированием, который бы смог выработать единую концепцию и программу, организовал бы написание единых учебных пособий, вел бы работу с регионами.

Бурный прирост мусульманской уммы на сегодняшний день не обеспечен полноценными неискаженными, непротиворечивыми источниками знаний об исламе. Существующие религиозные учебные заведения, занятия при мечетях не в состоянии обеспечить информационное поле и не в состоянии восполнить этот недостаток знаний для населения.

В настоящий момент в России наряду с отсутствием сформированной системы мусульманского религиозного образования нет ее выработанной целостной концепции, нет постоянно воспроизводимой, структурированной исламской картины мира. И это, кстати, характерно не только для России, но и для многих, практически большинства, мусульманских стран. Как свидетельствует практика, пока религиозное образование в России развивается на стыке двух векторов развития исламского сообщества: агрессивно-политического возрождения и культурно-просветительского реформаторства на фоне пассивного бездействия традиционалистов, до последнего времени представлявших большинство мусульманского духовенства.

В идеологических столкновениях между радикальной частью сторонников салафитской и ваххабитской идеологии и сторонниками традиционных представлений последние зачастую терпят поражение. Первые при отстаивании своей позиции опираются на четко

выстроенную систему аргументации и при этом не считают зазорным использовать фальсифицированные аргументы в виде хадисов со слабым иснадом (цепочкой передатчиков), вырванные из контекста аяты Корана или применение метода «насих-мансух» (отмененный-отменяющий) относительно аятов Корана и хадисов и пр. Другая сторона вместо призыва к познанию, опираясь на аргументы и доводы, апеллирует к ценности традиции, необходимости следовать по пути предков, что зачастую не всегда находит отклик у молодежи, и существует реальная проблема непонимания мусульманской молодежью ценностей курса на ханафитизацию. Звучащие на различных форумах и встречах с высоких трибун заявления религиозных лидеров о важности и безальтернативности для татарской нации ханафитского мазхаба молодежь зачастую воспринимает по меньшей мере с недоумением, а в некоторых случаях в штыки. Многим ханафитская апологетика видится в свете очередных происков спецслужб, которые хотят рассорить мусульман между собой.

Исключительная важность возрождения традиционных для России мазхабов несомненна. Но многие деятели от ислама ошибочно полагают, что для этого возрождения достаточно переориентировать муфтиев и имамов на ханафизм и издать побольше литературы. Между тем основное поле работы — молодежь, которую в отличие от сотрудников духовных управлений нужно аргументированно убеждать, снабжать знаниями, создавать ей условия для овладения мусульманской научной культурой и научной методологией, а не переманивать с одного идеологического курса на другой новыми, более выгодными кормушками⁹.

При всей видимой убедительности их позиций зачастую сторонники салафизма также располагают знаниями поверхностного характера. Если их оппонент при споре использует их же методику ведения дискуссии, привлекая стройную систему аргументации, как

правило, спорщик очень быстро оканчивается в тупике и ретируется, или начинает проявлять капризный фанатизм и слепое пристрастие, делать открытые популистские заявления, чтобы не потерять свой престиж среди сторонников.

Мусульманское духовенство чрезвычайно медленно осваивает ту историческую миссию, которая на него возложена на этом этапе религиозного обновления. Его абстрактно-упрощенные представления об исламе еще больше усугубляются полным невежеством в области истории ислама в России и среди татар. Оно еще не готово к тому, чтобы прогнозировать и выстраивать свою деятельность в русле формирования целостной религиозной идентичности, а всего лишь озабочено распространением общих религиозных знаний об исламе в целом. Эти представления еще не выстроены в целостную систему. Духовенство еще не готово из этой массы беспорядочных представлений об исламе вычленить главное и выстроить генеральную линию действий¹⁰.

Подтверждением этого могут служить результаты опроса, проводимого нами среди религиозных деятелей, получающих образование в Российском исламском университете на заочной форме обучения.

Больше всего нас удивило то, что из 200 человек, которым было предложено участвовать в опросе, меньше 8% предоставили свои ответы на вопросы анкеты.

На вопрос «С какой целью Вы решили получить религиозное образование?» самыми распространенными являются ответы: «ради Всевышнего Аллаха», «ради довольства Аллаха», «по воле Аллаха», «быть еще ближе к Аллаху», «для благосостояния в вечности», «очищения и успокоения души». На втором месте по частоте находятся ответы: «углубленное изучение Корана и понимание при чтении», «более детально знать свою религию», «хочу знать ислам в совершенстве», «с целью улучшенного изучения ислама», «повышать уровень обра-

зования», «для собственного развития», «довести эти знания до родственников и близких». Встречаются и ответы: «совершенствуюсь духовно», «поднимаюсь по духовной ступени», «исцеляю людей», «ислам — это моя жизнь, мне пришло просветление, я познала Аллаха и свое эго».

На вопрос, какого рода знаний об исламе, на их взгляд, им недостает, анкетированные ответили: «вероубеждения», «шариат», «фикх», «толкование сур Корана», «таухид», «суфизм», «знание арабского и татарского языков», «хадисоведение», «все то, что изучается в РИУ», «качественное преподавание методики». Некоторые оставили этот вопрос без ответа.

Вопрос «Как Вы расцениваете тему угрозы крайних экстремистских течений ислама в современном обществе» половина анкетированных оставила без ответа. Из ответивших 6 человек признали это реальной проблемой. Пути решения предлагались следующие: «знания и еще раз знания по исламским наукам», «религиозная грамотность, просвещение», «больше простого, правильного разъяснения средств массовой информации», «закрыть дорогу влиянию ваххабитов», «вести антиваххабитское воспитание населения через СМИ и через проповеди имамов». Среди ответов было и предложение «совершенствовать законы, по которым можно было бы отправить «их» в места отдаленные надолго, чтобы было у них время для размышления». Надуманной эту проблему никто не считает. Но были и мнения, что «никакой угрозы нет, это исламофобия, цель — уничтожение мусульман, компрометировать веру в Аллаха», «надо работать с приходом, а не бороться с вышеназванными», «у всех мусульман единый Аллах, Коран и сунна». Один анкетированный выбрал вариант ответа «не считаю необходимым затрагивать эту тему», так как указал, что конкретно ничего не знает об этом.

На вопрос «На Ваш взгляд, обладаете ли Вы аргументацией для противостояния воззрениям и доводам апологетов

крайних течений ислама?» большинство осталось без ответа. Среди полученных ответов были как утвердительные, так и отрицательные, а также их варианты: «да, и ответ — их нет в Коране и сунне», «выпускать грамотных имамов, знающих Коран и сунну, тогда не будет проблем в нашем регионе мазхаба Абу Ханифы», «не уверен», и один ответ был «суфизм».

На вопрос «С какими сложностями Вы сталкиваетесь в процессе обучения?» пожилые в основном жаловались на плохую память, также отмечались проблемы, связанные с арабским языком: «слабое знание арабского языка», «проблемы с арабским, желательно, чтобы были консультации», «хорошо бы на аятах Корана учить арабский язык», также отмечалась нехватка времени. Среди предложений по совершенствованию учебного процесса были следующие: «для облегчения усвоения основных предметов необходимо выбрать качественные учебники (они должны быть написаны кратко, ясно и раскрывать изучаемые вопросы), не более трех», «необходимо отходить от метода заваливания студентов литературой (основной и дополнительной)», «при сдаче экзаменов желательно отменить занятия, чтобы подготовиться к экзаменам, хотя бы один-два дня, в зависимости от сложности предмета», «желательно присутствие преподавателей более зрелого возраста с опытом жизни и знаний», «необходимо обратить внимание на изучение арабского языка, разделить на группы по уровню знаний арабского языка, давать перевод на русском языке методички по арабскому языку».

На вопрос «Как Вы намерены воспользоваться полученными знаниями? Как, на Ваш взгляд, они помогут Вам в дальнейшем в жизни?» большинство опрошиваемых ответили (первыми расположены чаще упоминаемые ответы): «довольство Аллаха», «укрепят в вере», «в преподавании», «способствуют ценностному пониманию ислама». Были и такие ответы: «довольство Аллаха реально без знания шариата».

На вопрос «С какими проблемами Вы сталкиваетесь в Вашей профессиональной деятельности?» ответы были: «нет единства между работниками в сфере духовного служения (фитна, судебные разборки)», «финансовые проблемы, недостаточное обеспечение литературой, техникой, наглядными материалами».

На вопрос «Как Вы оцениваете отношение к Вам и Вашей деятельности людей, не практикующих ислам?» ответы были разнообразные: «вполне адекватное», «нейтральное», «лояльное отношение», «какой привет, такой ответ», «по-разному, бывает и нехорошо», «нужно самому быть терпеливым и доброжелательно относиться к окружающим, ответят тем же», «нет никаких проблем, если старательно работать, а у ленивого много отговорок и виновных», «обращаются в основном по исламу, интересуются многими вопросами, моими ответами, люди в основном удовлетворены», «главное, чтобы ты и твои дела не отталкивали людей от религии», «недоброжелательное отношение людей к мусульманам и исламу — свидетельство сатанических действий средств массовой информации».

На вопрос «Чего, в большей степени, ожидают верующие от мусульманского священнослужителя?» ответы были: «грамотного ответа на задаваемые вопросы», «подобающего поведения», «искренности, порядочности, высоких нравственных качеств», «духовной поддержки».

Нынешнее мусульманское сообщество все еще испытывает дефицит религиозных деятелей и преподавателей, способных снабдить верующих и молодежь на начальном этапе базовыми знаниями по исламу, целостным пониманием религии и навыками четкой аргументации своей позиции с опорой на основные источники ислама. Под базовыми знаниями подразумевается: знание Корана (цитирование аятов с разъяснением смысла); корановедение (владение информацией об общих и специальных, украшающих и ясных,

отменяющих и отмененных аятах, причинах ниспослания); хадисоведение (терминология, слабые и достоверные хадисы, слабые и сильные стороны передатчиков); арабский язык (синтаксис, морфология, риторика); фикх и методология фикха с осведомленностью по позициям иджма и кыяс; знание сиры (жизнеописания пророка) и истории пророков.

В силу ряда причин и, в частности, идеологических ограничений большой массив данных и материалов по истории религиозного образования татар до настоящего времени оставался неопианным и недоступным для преподавателей и исследователей. Кроме причин идеологического характера, имеет место и такая специфическая причина, как некая сакрализация тематики, связанной со священной сферой знаний, такой тонкой областью, как религия. Также религиозное образование требует обращения к специфическим источникам и понятиям. Подразумевается обращение к первоисточникам и архивным материалам, переработка большого количества рукописной и печатной продукции на арабском языке и на арабской графике, тесное знакомство с татарской культурной и религиозной средой прошлого. Кроме знаний по истории ислама и религиозных учений, необходимо располагать и всем комплексом богословских дисциплин, что, наряду со светским, гуманитарным образованием, предполагает наличие и религиозного образования.

По роду своей деятельности в течение последних 15 лет нам приходилось тесно работать со старопечатными арабографичными изданиями местных книгохранилищ. Материал религиозного содержания, представленный в арабоязычных и арабографичных изданиях татар начала XX века, служит отражением содержания системы религиозного образования российских мусульман в прошлом. В этом репертуаре нас в первую очередь интересует религиозно-богословская составляющая мусульманской книжной традиции, а именно

соотношение сочинений ханафитско-матуридитской традиции относительно других религиозно-правовых течений и направлений, а также соотношение сочинений традиционно-догматической и рационалистической школ.

На настоящий момент изучена литература по теме на русском и татарском языках; проанализированы программы дореволюционных конфессиональных учебных заведений; осуществлена тщательная ревизия и определены сочинения, использовавшиеся в учебном процессе в прошлом; большинство из этих источников и учебных пособий изучено; произведен отбор книг, которые могли бы быть рекомендованы для современных религиозных учебных заведений. На данный момент мы располагаем полным набором книг на арабском языке, имевших широкое применение и распространение у татар благодаря компьютерной базе данных, создававшейся в течение многих лет. Эта база данных включает в себя более 3000 изданий и более 300 наименований. В связи с тем, что многие из этих книг использовались в учебном процессе в религиозных учебных заведениях прошлого, эта база данных служит основным справочным материалом по теме исследования.

Следует отметить, что в последние годы благодаря наличию таких проектов, как «Антология татарской богословской мысли», научно-исследовательская и текстологическая работа местных ученых, издательская деятельность общества «Иман» и др., а также в рамках Республиканской целевой программы сохранения культурного наследия «Мирас-Наследие», Федеральной целевой программы развития образования по истории и культуре ислама, заново увидели свет многие образцы мусульманского богословского и педагогического наследия. Работа в этом направлении должна оставаться приоритетной для противостояния процессу уничтожения духовного преемства и культуры.

К сожалению, и среди представителей мусульманского духовенства наблюдались пороки, с которыми полтора

столетия назад боролись наши выдающиеся улемы Ш.Марджани, Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, Р.Фахретдинов: заскоружность и мракобесие, инертность, конформизм, приспособленчество, коррупционизм, низкий уровень интеллектуального потенциала, а также отсутствие грамотного менеджмента, определенных волевых качеств и, вместо осуществления профилактических действий и реальной комплексной работы по созданию целостной системы религиозного образования, бесконечная вынужденная спекуляция темой салафитской угрозы.

В таком положении дел невольно начинает усматриваться злой умысел и трудно не согласиться с тем, что «духовенство традиционного ислама отгородилось Кораном и обрядностью от Бога, от проблем людей и обществ, живет интересами сиюминутного своекорыстия и потому политической аналитикой глобального масштаба не занимается. Как следствие, оно не видит этого сценария как целесообразно выстраиваемой функциональной целостности; а если кто-то и видит, то сиюминутное своекорыстие для них важнее, нежели бескорыстная

работа ныне на предотвращение бедствий, потенциал которых целенаправленно создается другими на протяжении уже нескольких десятилетий»¹¹.

Пообщавшись с представителями духовного управления мусульман РТ, духовных управлений других регионов России, руководством религиозных учебных заведений, государственных структур, курирующих эту сферу, мы убедились, что единого конкретного конструктивного видения перспективы развития религиозного мусульманского образования нет. Есть различные проекты, которые, по сути, имеют локальный характер и разрабатываются с целью осваивания денежных средств, которые пока еще выделяются федеральным центром и различными фондами. Всем участникам этого процесса нельзя не признать, что все, что предпринимается на сегодняшний день без наличия цельного общего видения, является не просто тупиковым путем, а губительным.

И это тот редкий случай, когда мне как исследователю искренне хотелось бы, чтобы мои выводы оказались ошибочными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юзмухаметов Р.Т., Хайрутдинов А.Г., Алмазова Л.И. Исламоведение. Начальный курс (с углубленным изучением истории и культуры ислама): Учеб. пособие. — Казань: Магариф, 2008. — С. 10–13.

² Частичную реализацию идей татарских мусульманских реформаторов мы можем наблюдать в модели религиозного образования, реализованной в виде системы турецких лицеев. Хотя и с большой осторожностью, можно предположить наличие взаимосвязи преломления этих идей у М.Абдо и опыта создания системы религиозного просвещения и образования в Индонезии и Малайзии. Эта тема еще ждет своего исследования.

³ Алмазова Л.И. Преподавание ислама в Волго-Уральском регионе // Изучение и преподавание ислама в Евразии. — М.: Издательский дом «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2010. — С. 69.

⁴ Алмазова Л. Указ соч. — С. 71.

⁵ Баткаев Р. О бедной общине замолвите слово или «каждый может что-то дать»... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muslim-cfo.ru/analitika/obschiny-musulman/530-obednoj-obschine-zamolvite-slovo-ili-kazhdyj-mozhet-chto-to-dat>

⁶ Этой точки зрения придерживались ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, директор воскресной школы мечети на Поклонной горе Арслан Садриев, а также директор Нижегородского исламского медресе «Махинур» Дамир-хазрат Мухетдинов.

⁷ Абдуллауф Азизов. Исламское образование — от хаоса к системе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muslim-cfo.ru/analitika/islamskoe-obrazovanie/502-abdurrauf-azizov-islamskoe-obrazovanie-v-rossii-ot-haosa-k-sisteme>

⁸ *Марина Гуляева. Ринат Раев: Без богословов и ученых развитие исламского образования в России невозможно* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islam.ru/content/obshchestvo/1232>

⁹ *Ахметова Д. Мечети будущего* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://idmedina.ru/books/history_culture/?2122

¹⁰ *Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке.* – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005.

¹¹ Большая игра или далеко идущие планы... – Электронный ресурс: http://kruglikkont.blogspot.com/2011/02/blog-post_6567.html; Долговременная стратегия преодоления коранического ислама заправилами библейского проекта. – Электронный ресурс: <http://www.zakonvremeni.ru/vp-ussr/21-vpussrall/1059-2010-02-18-09-37-09.html>

Аннотация

В статье автор излагает свое видение системы мусульманского религиозного просвещения и образования у татар. Важное значение при этом придается принципу преемственности – использованию религиозного педагогического и богословского наследия прошлого с опорой на собственные корни в области мусульманской мысли и науки. При рассмотрении широкого круга тем, касающихся специфики аккумуляции и передачи знаний об исламе в нашем регионе, с учетом опыта основных методологических позиций изучения этой сферы, делается попытка сформулировать ряд узловых вопросов, актуальных как для постперестроечной России, так и для мусульманского сообщества в целом. Для характеристики современных процессов в сфере религиозного образования, в качестве наиболее обобщающей и наиболее эвристически плодотворной объяснительной модели предлагается синергетическая модель самоорганизации.

Ключевые слова: ислам, образование, духовное наследие, религия, управление образованием, метод, система.

Summary

The author states his vision of Muslim religious enlightenment and education of the Tatars. The principle of succession is emphasized. It is the use of religious teaching and theological heritage of the past based on own roots in the field of Islamic thought and science. When considering a wide range of topics related to the specific accumulation and transfer of knowledge about Islam in our region, taking into account the experience of the main methodological positions of study of this sphere, the attempt to formulate a number of key questions relevant for the post-perestroika Russia and the Muslim community as a whole is made. The answers to these questions could form the subsequent drafting of an overall strategy of the Russian Islamic education with the definition of its strategic frameworks, directions, structure and content, models and principles of its organization and with the incorporation of the most important, having cultural significance, elements into the school and higher education system of the country. Synergetic model of self-organization is proposed to characterize the current processes in the field of religious education as most general and most heuristically fruitful explanatory model.

Key words: Islam, education, spiritual heritage, religion, education management, method, system.